

B. P. Тимирханов

ИМЯСЛАВСКИЕ АСПЕКТЫ КОРНЕВОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В ЯЗЫКЕ

Статья содержит историографический обзор становления проблем лингвистической radixологии и, в частности, наиболее важных причин и этапов разработки вопросов, связанных с квалификацией корневых слов в языке. Особое внимание при этом уделяется обстоятельствам устойчивого предубеждения и скепсиса по отношению к оценке роли корня в традиционном индоевропейском языкознании.

Пути освоения корневой лексики, согласно авторскому пониманию, оказываются весьма тернистыми в силу историко-типологических и мировоззренческих табу, ограничивающих диапазон объяснительных возможностей номиналистической лингвистики. Наоборот, в лингвофилософском пространстве русского имыславия как альтернативной онтологической традиции изучения языка корневая проблематика актуализируется не только в связи со спецификой этимологических решений, но и при рассмотрении общетеоретических и методологических вопросов. Апелляция к данным, содержащимся в значении и структуре корня, в особенностях устройства корневых слов как особых структурных единиц возникает при обсуждении процесса становления идей бытия в словесную форму и даже утверждении изначального единства человеческого языка. Имаславское видение корня сфокусировано на целом ряде существенных принципов, получивших наиболее последовательное освещение в работах С. И. Булгакова и А. Ф. Лосева. Интерпретация этих положений с точки зрения истории и современного состояния философии языка и является основной задачей настоящей публикации.

V. Timirkhanov

IMYASLAVIE ASPECTS OF ROOT PROBLEMATICS IN THE LANGUAGE

The paper contains a historiographic survey of the formation of problem of linguistic radixology, and particularly, the most important causes and stages in the consideration of the problems dealing with the qualification of the root words in the language. A special attention is paid to the cases of steady preconception and scepticism with regard to the assessment of the role of the stem in the traditional European linguistics. The ways of formation of the root lexis, in the author's understanding, might be rather thorny due to the historic-typological and mindset taboos that limit the range of the explanatory potential of the nominalistic linguistics.

On the contrary, in the linguo-philosophic space of the Russian Imyaslavie, an alternative ontological tradition of a language study, the root problematics is actualized not only with respect to the specificity of the etymological solutions, but also in case of consideration of the general theoretical and methodological topics. An appeal to the data contained in the meaning and structure of the root, in the peculiarities of the organization of the root words as specific units, arises when discussing the process of transformation of the ideas of being into word matrix and asserting the initial unity of the human language. The imyaslavie viewpoint on the root is focused on quite a number of significant principles that were most consistently considered in the works of S. N. Bulgakov and A. F. Losev. The interpretation of their opinions in the viewpoint of history and the current state of the language philosophy is the main topic of the present publication.

Обсуждение позиций лингвофилософии имыславия по отношению к онтологическому статусу корневых первоэлемент-

тов языка необходимо предварить небольшим обзором, дающим представление о том, как исторически складывалась оцен-

ка корневого слова в традиционном (преимущественно номиналистическом) языкоznании.

Если понятие корня активно использовалось лингвистикой со времен древнеиндийских грамматиков, то специальный термин «корневое слово» зародился, очевидно, в недрах отечественной тюркологии на рубеже XX в. Право его первой лингвистической квалификации принадлежит Б. М. Юнусалиеву¹. Это было тем более важно, что в индоевропейском (в том числе отечественном) языкоznании бытовало устойчивое представление, согласно которому возможность совпадения корня со словом охранялась историческим и типологическим табу. Стереотип этот ревностно охранялся и продолжает в значительной степени поддерживаться индоевропейской компаративистикой. Мнение о том, что корни существовали до слов и вошли в них с возникновением флексивного строя, горячо отстаивал А. А. Потебня². Этот запрет для исследователей тюркских языков казался менее безапелляционным, чем для индоевропеистов. По крайней мере, две причины лишили тюркологов исследовательской скованности: относительная свобода морфемного членения тюркского слова в синхронии и вполне адекватное отражение структуры современных односложных слов еще в енисейских, орхонских и древнеуйгурских памятниках VII в. н. э. «При исследовании формы развития корней и корневых слов тюрколог находится в более выгодном положении, чем исследователь индоевропейских языков... Обрастание корня морфологическими элементами в тюркских языках... проходило строго по закону агглютинации, тогда как в индоевропейских языках корень заслонялся не только суффиксами и флексией, но и префиксами»³. Б. М. Юнусалиеву вторит Э. А. Макаев: «...На стыке корневой, суффиксальной и флексийной морфем и в протоиндоевропейском, и в общеиндоевропейском, и в

более позднее время неоднократно имели место различные фономорфологические процессы разнонаправленного действия, вследствие которых элементы корневой морфемы (и шире — элементы основы) могли отходить к флексийным морфемам, а суффиксальные и другие элементы притягивались к корневой морфеме или корню, что вело к постоянно меняющимся отношениям между корнем и флексийными морфемами, к постоянному преобразованию как корневой, так и флексийной морфемы...»⁴.

Проследив развитие корневых слов (другой термин — «корней-слов») в киргизском языке, Б. М. Юнусалиев пришел к ряду важных теоретических выводов: корневым в тюркских языках может быть лишь односложное слово, поскольку многосложные слова, даже неразложимые, исторически возникли или путем присоединения к корневому слову грамматических морфем, или в результате семантического сращения и фонетической деформации сочетания некогда самостоятельных двух корнеслов; понятие о корне и понятие о корневом слове должны быть строго разграничены; некоторые из древних тюркских корней сохранились в качестве самостоятельной лексической единицы; понятие корневого слова можно использовать и в широком смысле, относя сюда также исторически производные слова, которые не различаемы в языковом восприятии современного носителя языка; существует прямая взаимосвязь между установлением природы корневого слова, корня и их семантики и решением проблем базовой общенациональной лексики⁵. Поводом для дискуссий и серьезным толчком к экспансии термина «корневое слово» послужило заявление Б. М. Юнусалиева о том, что существует одинаковая для разных языковых семей возможность слияния корня и слова⁶.

Содержание предложенного термина не встретило решительного протеста и прижилось в отечественной тюркологии.

Достаточно назвать здесь обстоятельную и во многом новаторскую работу казахского радиксолога Е. З. Кажибекова, посвященную теории синкремизма и глагольно-именной корреляции корней в тюркских языках⁷, чтобы со всей очевидностью констатировать факт научной плодотворности идей, связанных с корневым словом, в разработке современных проблем исторической и контрастивной тюркологии, в оригинальных тюркских этимологических разысканиях.

В индоевропейском языкоznании, как уже было отмечено, существовало устойчивое предубеждение в отношении к разработке корневых слов языка. Термином «корневое слово» оперировали еще младограмматики. Но несмотря на то, что им удалось избежать переоценки роли флексии как высшего проявления грамматического строя языка (что характерно для предшественников младограмматизма), их взгляды в целом сохранили традиционный скепсис по отношению к одноморфемной лексике. Прежде всего, это касалось индоевропейских языков периода их флексивной организации, когда даже факт осознания слова «корневым» абсолютно не указывает ни на его первообразность, ни на его нечленимость: «После того, как перейден рубеж, до которого сложное слово осознавалось как таковое соответствующее образование, если отвлечься от возможных окончаний, представляется языковому восприятию либо корневым словом (разрядка наша. — В. Т.), не разложимым на морфологические элементы, либо производным словом, заключающим в себе суффикс или префикс»⁸. Конечно, флексивное «сложное слово», по мнению Г. Пауля, имело некогда источником первоначально тождественное ему «простое слово» (в другой терминологии «так называемые корни», воспринимаемые младограмматиками в качестве «первоначального языкового материала»), но при этом отыскать подлинные языковые первоэлементы нельзя ни с

помощью морфологического анализа, ни путем этимологирования: «Некоторые из тех изменений, которым могли подвергнуться элементы в составе сложного целого, выявлены давно, часть из них вскрыта за последнее время. Однако сумма этих изменений, скорее всего, далеко не исчерпывается тем, что нам уже известно. Еще меньше оснований считать, что элементы, выявленные путем анализа, являются первоначальными элементами языка вообще. То, что мы не можем расчленить какой-либо элемент, вовсе не свидетельствует о его первоначальной целостности»⁹. Как видно из этого показательного заявления, мировоззренческое ограничение, накладываемое на позиции немецких ученых лингвистическим психологизмом, мало способствовало научному оптимизму во взглядах на перспективность работы с корневыми словами и потому резко контрастировало с доводами имяславцев-философов языка.

Серьезным шагом вперед в учении младограмматиков было признание образной природы корня и его семантики, хотя, конечно, образность понималась ими в конце птуалистской схеме как нечто, возникающее из психических представлений. Корень в первообразовании, таким образом, должен соответствовать «цельным чувственным образам», быть «способом выражения впечатлений», проявлять синкремизм, обозначая «не только объект, на котором сосредоточено внимание, но и то, что с этим объектом происходит»¹⁰. Не участвуя в споре представителей сравнительно-исторического языкоznания о том, выражали ли корни конкретное, вещественное, реальное либо абстрактное значение, Г. Пауль допускает, учитывая образность исходных форм, их возможность приобретать весьма широкие оттенки семантического спектра.

Историко-типологическое табу по отношению к корневым словам в зарубежной лингвистике постепенно преодолевалось прежде всего в трудах языковедов, за-

нятых изучением аналитических языков и менее зависимых от целого ряда оговорок о свободе корневых морфем. Это в полной мере проявилось в исследованиях дескриптивистов. Л. Блумфилд, отстаивая свободу корня, говорит о «корнях, которые встречаются в первичных корневых словах»¹¹. Основатель дескриптивизма еще в 1926 г. вводит термин «root-word», под которым он понимает «слово, не содержащее никакого составляющего, напоминающего аффикс»; такие корни-слова (например, *boy*, *red*, *run*) считаются непроизводными, правда некоторые из них, вступающие в отношения конверсии, могут быть признаны производными (например, существительное *a run* является производным по отношению к глаголу *to run*)¹². Часто американскими и английскими лингвистами употребляется термин «morpheme-words» — морфемные слова, состоящие из одной свободной морфемы¹³. Признанием наличия одноморфемных слов в языке характеризуются и другие (в том числе и более современные) работы, выполненные в русле дескриптивной лингвистики. Это касается применения квантитативного подхода к морфологической типологии языков, исследований структуры слова и слога, методов морфемного анализа в англофонии, изучения особенностей семантики морфемы¹⁴.

Тернистыми оказались пути освоения термина «корневое слово» в отечественной индоевропеистике. Не найдя единой структурной модели корня, не знавшей «никаких исключений, всегда неизменной, всегда равной себе, всегда однозначной в функциональном плане»¹⁵, многие учёные предпочитали признание корневых слов единицами дофлексивного пражзыка попыткам отыскать их прямых «наследников» в современном языке¹⁶. Повышенный и методологически вполне объяснимый, устойчивый интерес к верификационным возможностям корневой лексики демонстрировали по преимуществу лишь представители лингвистического имяславия,

однако их мнение в этом вопросе было проигнорировано. В русистике описывались преимущественно морфологически сложные словесные структуры (выявлялись типы морфных сочетаний, устанавливались критерии идентификации морфов, морфологические связи и деривационные морфемы основы однокоренных производных в разных частях речи, просчитывалась статистика глубины и типов морфологического строения словоформ), тогда как слова, равные корню, оставались в тени.

Факт лингвистической «беспризорности» корневых слов покоился, вероятно, на подспудном и молчаливом признании неперспективности их описания ввиду мнимой простоты и поверхностности такого рода исследований, либо на мощно действующем по отношению к ним скептизме традиционного индоевропейского языкознания, либо объяснялся «кажущейся тривиальностью» (определение А. В. Андреевской¹⁷) этого класса слов. Данный факт сказывался на вариативности и противоречивости подходов к определению корневого слова, приводил к терминологической путанице, неоправданным ограничениям подмножества корневых слов некоторыми лексическими, частеречными критериями, провоцировал нежелательную амбивалентность их разработки.

В ходе лингвофилософского анализа языка возникает особая зона интересов имяславия, привлекающая в качестве своеобразного самостоятельного объекта исследований особые структурные единицы языка — корневые слова. Если говорить более широко, то корневая проблематика актуализируется не только в связи со спецификой этимологических решений лингвистики имяславия, но и при рассмотрении общетеоретических и методологических вопросов. Апелляция к данным, содержащимся в значении и структуре корня, возникает при обсуждении процесса становления идей бытия в словесную

форму и даже утверждении изначального единства человеческого языка.

Имяславие отчетливо понимает, что, несмотря на апофатичность раскрытия тайны слова, невозможность рациональной инструментовки связи смысла и материи, рождающей в слове, язык должен сохранить неопровергимые, первые и непосредственные свидетельства взаимоопределения мысли и слова. Эти свидетельства должны быть показательными в свете общего устройства языка и потенциально заряженными силой развертывания первоначальной оформленности слова в его последующей языковой жизни. С точки зрения лингвистического имяславия, слова как ментальные сущности возникают раньше любого их употребления. Но первым и в этом качестве единственно возможным для нашего наблюдения условием их бытования являются корневые слова. В них должна проявиться и закрепиться некая изначальная заданность именования, ссылка на которую при всех последующих модификациях и самого этого корня, и образованных на его базе слов сохраняется в дальнейшем как факт первичного соприкосновения энергии мира и языка. Имяславское видение корня сфокусировано па целом ряде существенных принципов, получивших наиболее последовательное освещение в работах С. Н. Булгакова и А. Ф. Лосева. Интерпретация этих взглядов и является основной задачей настоящей публикации.

С. Н. Булгаков, подчеркивая, что именно «изначальное корневое значение» служит основой для образования различных «гнезд и семейств слов и грамматических употреблений», характеризует корневое слово в истоках языковой номинации как некую зачаточную и вследствие этого синкретичную предоформленность: «Такоеrudиментарное слово, — ни существительное, ни глагол, — обрубок слова, его туловище, еще не вполне оформлено, чтобы жить полною жизнью, но оно уже родилось как слово, как смысл, как значение,

как идея»¹⁸. Вместе с тем, понимая обязательность оформления любой единицы языка, ученый справедливо считает далее гипотетический синкретизм очевидной условностью, не более, чем предположением, относящимся к умозрительной области конструирования словесного значения, и отмечает, что данное мнение «прроверено... быть, конечно, не может, по существу же кажется нам сомнительным»¹⁹.

Корневое слово не может служить в качестве чистого образца идеи как ментальной словесной сущности в ее непосредственности и безотносительности, поскольку этому препятствуют семантическая и грамматическая оформленность, всегда сопровождающие факт образования слова, а также включенность в языковые структуры и их функционирование. «Слово-мысль никогда не может быть показано в своем чистом виде, потому что все слова оформлены и вовлечены в организм речи и потому придают определенные оттенки данного смысла, его употребления. Таким словом-смыслом, конечно, не является корень, потому что корневое слово как таковое существует, а не есть только результат филологического анализа, абстракции, все равно имеет тот или иной смысловой оттенок благодаря своему положению в предложении, порядку слов, как в китайском языке...»²⁰. Другие, но близкие этой мысли слова С. Н. Булгакова об обязательной смысловой и грамматической оформленности корневого слова получают неожиданно острое и современное звучание еще и как контраргумент к возникшей во второй половине XX в. зарубежной теории так называемых одноморфемных слов: «И как не существует слова, состоящего из одного только корня (даже в том случае, когда звуковым образом это и так, роль флексии, префиксов, суффиксов и т. п. играет тогда контекст), так не существует абсолютно изолированного слова, не входящего в состав речи и, стало быть, вне определяющего оформления и связи. Связь и оформление предполагаются при-

родой слова в такой же мере, как и смысл»²¹. Негативный пафос данных высказываний вовсе не предполагает отрицания самостоятельности существования как абстрактной корневой морфемы, так и особых лексико-грамматических под множеств корневых слов.

В лингвистике существует немало различных подходов к определению специфики корневых и аффиксальных элементов слова. В имяславии признается единство и инвариантность значения корневой морфемы в гнезде производных слов, а противопоставленность корня и других морфем основана не столько на ранговых или функциональных характеристиках, сколько на учете структурно-семантического критерия: «Разумеется, ядро смысла слова связано именно с корнем, как показывает сравнение слов одного смысла, но разных оттенков, где остается постоянным и неизменным именно корень. ... С корнями слов... связано ядро смысла, сама идея, остающаяся неизменной во всех словах данного корня и значения, между тем как все остальное имеет лишь оформляющее значение, вносит оттенки... Формальные элементы всеобщи и однообразны, корневые — индивидуальны и своеобразны»²². Поскольку один и тот же исходный корень может получать различное частеречное и комбинаторное оформление при помощи соединяющихся с ним иных морфологических элементов, для обнаружения ясных указаний на этимологическую первичность вершины и вычисления семантического инварианта корня существенно следующее понимание: «...Мы должны отвлечься здесь от морфологии слов, от тех семантических единиц, которыми будет оформлено слово как в том, так и в другом случае, — префиксов, суффиксов, флексий. Все эти частицы лишь выражают уже происшедшую перемену смысла, фиксируют совершившееся его определение, но его не создают, их роль служебная, и видеть в них источник этого определения значит то же, что ис-

кать причины высокой температуры в показывающем ее термометре... Словом, этимологическое облачение слова по отношению к нашему вопросу является второстепенным и производным, и мы можем от него отвлечься»²³. Затрагивая неоднозначный для современной лингвистики вопрос о возможностях предельно широкой референции единого корня и во всей наличной множественности производных лексем, и в границах исторической деривации, С. Н. Булгаков предполагает, что языковой потенциал семантической корневой корреляции непосредственно зависит от антропокосмической природы той идеи, которая лежит в основании общего значения корня и последующих его структурных и контекстных реализаций: «...Все основные смыслы, корневые слова, имеют общее значение, выражают идеи, а совсем не суть собственные имена, значки, представляющие собой вещи, род каталожных карточек или номеров. При этом слова эти могут употребляться в разных комбинациях и оттенках, что связано, с одной стороны, с этимологическим и синтаксическим их оборудованием, а с другой — с семасиологическим значением, с их сказуемостью. Для большого мастера, которым является гений языка, выражющий не личную мудрость, но мудрость мира, мудрость антропокосмическую, достаточно и ограниченного числа красок на палитре, чтобы извлечь из нее все нужное»²⁴.

Близкие взгляды, правда, опираясь на новые аргументы, демонстрирует А. Ф. Лосев, считая, что в «основе корневой морфемы как инварианта и морфологических показателей как вариаций»²⁵ лежит особо понимаемая лингвофилософская категория окрестности. Применение теории окрестности к языку позволяет непротиворечиво представить, каким образом совмещается общее значение языковой единицы и любых ее модификаций, трансформаций в результате обретения внутриязыковых связей и речевых употреблений: «...Каждая

реальная структура в языке берется не только самостоятельно и изолированно, но и как возможность бесконечных перевоплощений, как принцип реализации на разных и, притом тоже бесконечных, материалах... Если мы сейчас говорили о твердом и устойчивом основном значении..., то теперь с такой же решительностью мы должны постулировать и бесконечную текучесть..., наличие бесконечного числа разнообразных и разноречивых оттенков вокруг его основного значения»²⁶.

С. Н. Булгаков устанавливает прямую связь между исследованиями в области лингвистики корня и проблемой происхождения языка: «И вопрос о происхождении слова ближайшим образом зависит от вопроса о корневых элементах слов»²⁷. Важно, что это понимание равным образом относится и к истории языка, и к его стабильному состоянию, ибо, с одной стороны, этимология и компаративистика совершенно не могут обойтись без анализа и реконструкции исходных корней праязыка, а с другой стороны, синхронные методы морфемики и словообразования без вычисления семантики корня и установления его реального лингвистического статуса не способны удовлетворительно объяснить природу устройства слова. С синхронических позиций лингвофилософия и лингвистическая теория в вопросе о природе корня непосредственно касаются онтологии слова: «...Мы здесь вплотную упираемся в рождение звуковых символов смысла. И это есть изначальная тайна слова. Как ее понять? Вопрос не в том только, почему избираются те или иные звуки для звукового тела слова..., но именно о сращении определенного звукового аккорда с определенным смыслом, об оплотнении смысла... Мы же доискиваемся здесь первоэлемента мысли и речи, простого слова-мысли, которое действительно является сращением двух стихий... Вовсе не существует готовых слов (корней), которые бы можно было выбирать и подбирать как

пустые формы или гильзы. Звуковая материя... представляет собой практически безграничный запас возможностей для новых словообразований (хотя мы видим, что язык скруто и неохотно пользуется ими, предпочитая обходиться ограниченным количеством словесных тем или корней), но готовых, пустых, лишенных смысла звуковых слов в ней нет, да и принципиально не может быть»²⁸. Примечателен также потенциал этих идей в обосновании теоретических основ фоносемантических исследований корня.

Что же касается вопроса о произвольности, конвенциональное^{TM} либо ином соотношении значения с его звуковым оформлением, С. Н. Булгаков признает прежде всего апофатичность наших попыток объяснить эту проблему, признавая ее сакрально-таинственную основу, кроме того, положительно высказывается в онтологическом смысле в пользу безусловного характера данной связи: «Отсюда проистекает то, что составляет инструментовку стиха или речи, т. е. при данной мысли стремление ее сопроводить определенным тембром, непременно имеющим и качественный смысл, хотя и не вполне доступный сознанию. ...Само слово, взятое как первоэлемент речи, неиндивидентно к своим буквам, но в известном смысле само себя инструментует бессознательным или, лучше сказать, сверхсознательным, органическим подбором звуков»²⁹.

Логика историко-лингвистического подхода к проблеме корневого слова заставляет признать: «Как бы далеко ни зашли мы в своем анализе слова, мы все-таки необходимо упираемся в корневые его первоэлементы, первослова, далее уже не разложимые. Современное языкоzнание сводит эти первоэлементы сравнительно к небольшому числу корней — несколько сот при многих тысячах, а то и десятках тысяч слов»³⁰. Не имеет ровным счетом никакого особенного смысла обсуждать в связи с проблемой корневого слова сте-

пень достоверности, обоснованности и даже убедительности доказательной базы различных гипотез происхождения языка, а также аргументы сторонников исторического усложнения или, наоборот, упрощения морфонсматических структур, можно признавать или опровергать откорневое происхождение формантов и формативов, — для лингвистического имяславия безусловно ясно, что именно корень и корневое слово служат надежной опорой любых диахронических построений. «Для нас не имеет значения, существовал ли период корневого языка, как это думают многие, или нет, или это есть лишь методологическая гипотеза; все равно»³¹, но факт основательного изучения корня и корневого слова не вызывает никакого сомнения, ибо здесь сосредоточен комплекс важных методологических и теоретических интересов лингвофилософии.

Итак, если двигаться по направлению к «внутренней форме» слова, к истокам изначальной онтологической связи слова и мысли, к предполагаемому исходному состоянию языковых реконструкций, «идя в этой истории регрессивно, в обратном порядке, мы непременно рано или поздно придем к первичной породе — корню, который уже не может быть генетически объяснен, подлежит лишь констатированию, а не объяснению. И вот только об этих-то первоэлементах речи, о словах слов, о некотором первоначальном количестве их в каждом языке, быть может, разном, и идет речь»³².

Дело теоретической лингвистики — обосновать правомерность выделения корневых слов как особого языкового типа, предложить взвешенную семантическую концепцию корневой морфемы; задача частных лингвистик, сравнительно-исторического и контрастивного языкоznания — определить четкие принципы и процедуры формирования списков корневых лексем, поскольку «фактическая наличность таких корнеслов, которую мы умеем установить и которая для разных

языков, допустим, различна, ведь не может еще быть исчерпывающей, потому ли, что некоторые слова могли исчезнуть вследствие малой употребительности своей или по иным причинам достаточно не проявленным»¹³. Дело же лингвофилософии — методологически представить онтологическое положение корневых первоэлементов таким образом, чтобы была «выставлена гипотеза определенного комплекса илиplerомы этих первослов, как бы радуги красок, в которой включаются звуковые краски всего мира» и чтобы принять «факт присутствия во всяком языке некоторого количества первослов или корней, в которые упираются биографии слов как в свой почвенный фундамент и неразложимую первооснову»³⁴.

Лингвофилософии имяславия чрезвычайно важно подчеркнуть особый статус корневых слов в языке и с учетом их познавательного ресурса провести идею об изначальной онтологической причине человеческого языка: «И именно эти слова, эти элементы речи уже именуются во всяком существующем, обладающем силой и жизненностью языке, они суть собственно язык в языке, и о них возникают все эти теории «возникновения языка»³⁵. История языка видится с этих позиций непрерывным «словотворчеством», в котором на основе первичного, уже существующего корневого материала создается все многообразие языковых значений и форм, а сам этот материал есть «некоторая первичная данность», бытийная заданность: «Язык творится нами, он есть наше художественное произведение, но вместе с тем он нам дан, мы его имеем как некоторую изначальную одаренность. И то, что мы имеем, мы не творим, но из него творим. И об этих первословах мы утверждаем, что они сами себя сказали. Они суть живые словесные мифы о космосе, в них закрепляются космические события, мир нечто говорит о себе, и изначальное словотворчество есть космическое мифотворчество, повесть мира о себе самом, космическая

радуга смыслом, словесная символика. ...Через пробитые окна первослов, элементы смысла, постоянно вливается все новый, расширяющийся смысл, как из нескольких нот гаммы возникает вся бесконечность музыки»³⁶.

Обращение имяславия к корневой проблематике позволяет манифестировать лингвофилософскую логику в решении вопроса о происхождении языка. Эта логика позволяет имяславию дистанцироваться и от упрощенных взглядов на божественную предопределенность языка, и от попыток слепого переноса идей эволюционизма на почву языкового развития. Оппонируя примитивно, а значит, и псевдохристианским представлениям на этот счет, С. Н. Булгаков критически касается и некоторых, высказанных в полемическом запале слов патристического красноречия: «Прежде всего наша мысль глубоко отличается от грубого... представления, что Бог прямо вложил человеку отдельные слова или целый язык наподобие того, как мать учит говорить своего ребенка... Этот грубый антропоморфизм прежде всего не антропологичен, а потому и не теологичен, да и во все неблагочестив... Способность речи прирождена человеку... Однако нельзя этой мысли давать и такой поворот, будто бы человеку вложена общая способность речи Богом, а отдельные слова придумывает он сам»³⁷. С другой стороны, когда «вся тяжесть вопроса переносится в сторону эволюции», вместо объяснения причин (как именно? почему?) возникновения языка мы имеем многочисленные комментарии по поводу того, что изменения в языке шли постепенно (каким образом?): «Для одних он (язык) развился из звериных криков, для других — из звукоподражаний, но во всяком случае слово здесь не есть или еще не есть слово. При этом главный, центральный и единственный вопрос — как возникает слово из *не-слова* или, что то же, как появляется *первое слово* в своеобразии своем — здесь не отвечается, но обходится ссылкой на постепен-

ность перехода, как будто можно построить будущий эволюционный пост над пропастью. Ignoratio elenchi, уклонение от вопроса, самообман — вот неизбежный узел эволюционной теории здесь, как и в других случаях»³⁸. Лингвофилософия имяславия, конечно, не стремится во что бы то ни стало отбросить эволюционные идеи за видимой чуждостью, указывая на их полезность в плане векторов языкового развития, но протестует в связи с тем, что не природа языка обусловлена особенностями его развития, а само это развитие предустановлено его природой. Итак, в чем же по мысли онтологической философии языка состоит его «энтелехическая целепричина»? «Словам учит человека не антропоморфизированный Бог, но Богом созданный мир, онтологическим центром коего является человек, к нему протянуты и в нем звучат струны всего мироздания. ...Антропокосмическая природа слова действует его символом, сращением слова и мысли, и именно поэтому слова не сочинаются, но лишь осуществляются, реализуются средствами языка в человеке и через человека»³⁵. Поскольку же «первослова суть космические символы или мифы сами себя возвещающие», то посредством установления необходимых знаний о корне и корневом слове, их сравнительно-исторических и сопоставительных исследований можно прояснить лингвофилософское отношение тождества и противоположности, целого и части в проблеме об изначально™ единого языка и множественности, типологическом несовпадении наличных языков мира. Различия, выявляемые в области контрастивной лингвистики корня, философски и христиански обосновывают: «...Многоязычность эта свидетельствует о том, что есть такая преломляющая среда, которая множит звуковую отдачу единого смысла. Орган речи, или организм языка, не одинаков у разных племен. Это различие касается не только корней, но и всего строения языка, всего его характера или духа, который так труд-

но поддается определению... Множественность же есть *состояние языка*, его модальность, и притом болезненная, ибо связана с состоянием греховного разобщения людей. ...В Вавилоне родилась лингвистика... Язык, конечно, остался не поврежден в своей основе, но закрылся его внутренний смысл, ранее открытый, и появилась болезненная впечатлительность к индивидуальным особенностям звуковой речи, к реализации языка. ...Многозычие и есть в известном смысле этот психологизм, закрывающий онтологическую сущность языка»⁴⁰. Различия философски только оттеняют былое единство языка: «Эта разница звукового слова при тождестве или, по крайней мере, единстве внутреннего слова, смысла, заставляет постулировать эквивалентность слов на разных языках или же самих этих языков... Изначально и естественно, по существу язык «был один и речь была одна» (Быт., XI, 1). Это единство языка изначально, оно лежит в природе языка, в его основе... И на смысловую сторону слова вавилонское столпотворение не распространяется... Единый, естественный язык был, по нарочитому попущению Божию, как бы завуалирован множественностью и непонятностью наречий, которые, впрочем, отнюдь не таковы, чтобы сделать невозможным обучение чужому языку и понимание его. ...Язык один и множественны лишь его модусы»⁴¹. Демонстрируя мысль об изначальном «онтологическом, антропологическом» единстве человеческого языка, установление общих оснований и структурно-семантических корреляций корневых слов также получает методологическое подтверждение в имяславии.

Считая «первоэлементом речи корнесловия, создающие сгустки смысла, выражающие идею»⁴², онтологическая философия языка специально подчеркивает по отношению к ним важную методологическую и излюбленную патристическую мысль об активной причастности этой

«органической части слова» синергетике связи логосного основания творения и человеческого слова: «И поэтому для слова первосдиницей является не буква и даже не слог как таковой, но органическая часть слова, хотя бы она и состояла из одной только буквы, но эта буква уже не принадлежит себе, но привязана к слову, пронизана его энергиями, окачествована ими, перерождена. И корень слова, всегда образующий сгусток букв, звуковой кристалл, есть явление *sui generis*, которое не исчезает чрез то, что оно входит в новые соединения»⁴³. В этих словах важно еще и то, что, наряду с энергетическим потенциалом корня и, вероятно, вследствие этой энергетики, отмечается общность, стабильное сохранение инвариантности морфемного значения корня, сильные семантические позиции и устойчивость его в диахронии языкового сознания. Развитию этих и некоторых других положений лингвистики имяславия мы посвятили специальное исследование⁴⁴.

Уже в одной из ранних своих работ, «Философии имени», А. Ф. Лосев определяет первостепенную значимость корневой проблематики и те принципиальные позиции, которые займет онтологическая философия языка касательно вопросов корня: « В этомоне мы имеем первоначальный зародыш слова, уже как именно слова, а не просто звука. Что бы там ни говорили языковеды о корне слова, с логической точки зрения это — основной и центральный момент в слове. Эта та элементарная звуковая группа, которая наделена уже определенным значением, выходящим за пределы звукового значения как такого. Этимон — начало и действительно «!корень», если хотите. Но жизнь слова только тогда и совершается, когда этот этимон начинает варьировать в своих значениях, приобретая все новые и новые, как фонематические, так и семематические, формы»⁴⁵. Позже корневая тема найдет у А. Ф. Лосева логическое продолжение и достойное место также и в построении

ним теории языковых моделей, и в понимании сути этимологических процессов, взглядах на диахроническую лингвистику, и в качестве средства обоснования базовых положений имяславия по отношению к системе языка в целом. При этом ученый всегда сохраняет оценку корня слова как «такой его центральной части, которая остается более или менее постоянной при всех изменениях данного слова и при всех переходах из одного языка в другой»⁴⁶. Полемизируя с коллегами-лингвистами, А. Ф. Лосев приходит к отнюдь не утешительным выводам о том состоянии, в котором находится в науке изученность корня: «Языковеды не очень точно представляют себе, что такое корень. Одни утверждают, что это есть тот звуковой комплекс, который в своем чистом и единообразном виде даже нигде не сохранился. Многие вообще отказываются искать такой корень и говорят, что их интересует не сам корень слова, а те реальные слова, которые можно находить в реальных языках и можно относить к одному и тому же корню. Другими словами, здесь возникает логическая ошибка...: мы не знаем, что такое корень данного слова, но мы знаем реальные слова..., которые образованы от единого корня. Другие языковеды, наоборот, разыскивают этот единственный и основной корень слова, так что их вовсе не смущает отсутствие слов буквально именно с таким корнем...»⁴⁷. Некоторые лингвисты договариваются до того, что корень представляется им чем-то вроде научной фикции, поскольку место единой морфемы занимают целые списки сводимых к ней на разных основаниях корней, так что нет никакой возможности установить один из них как профилирующий. «Спрашивается: как же мы должны понимать корень слова, если он везде проявляется по-разному, а в своей единой исходной форме вообще недан, будучи лишь результатом нашей реконструкции?»⁴⁸. Ответ получаем в духе философского понимания онтологии языка, в соответствии с динамической и энергетиче-

ской концепцией корня: «С нашей точки зрения, произнести такой единый корень невозможно потому, что корень слова, как и все вообще элементы языка, малые или большие, вовсе не является какой-нибудь статической или сплошь только прерывной структурой. Корень слова есть всегда нечто подвижное и скрывает в себе заряд или залог весьма большого количества своих проявлений, которые мы и узнаем по его огласовкам. Корень слова есть динамический заряд огромного количества превращений и является как бы законом возникновения какого угодно числа огласовок и методом нашего узнавания под непохожими друг на друга огласовками одного и того же динамически заряженного корня, одного и того же принципа для огромного языкового потока, часто принимающего неувидаваемые формы»⁴⁹.

Подводя итог рассмотрению приоритетных моментов лингвистики корня, инициированных существенными, типологическими чертами онтологического учения о языке, напомним еще одно мнение: «Так или иначе, но самостоятельное слово имеет свое корневое ядро, и это ядро есть вместе с тем и смысловое: существует первооснова слова, в которой сращение слова и смысл-ла-идеи имеет непосредственное изначальное бытие. В дальнейшей жизни уже родившегося слова, или воплотившегося слова, могут происходить разные события и процессы, все умножения, изменения и усложнения смысла...»⁵⁰. Показательно, как в понимании одной из узловых проблем философии языка органично соединены историко-лингвистическая, ретро- и проспективная оценка константной и динамической роли корня и отношение к нему как к носителю сведений о первоначальном откровении мира человеку. Думается, что и во всех представленных здесь рассуждениях здраво, в том числе и посредством корневой проблематики, открываются ключевые положения наиболее глубинных, в некотором смысле «затвердых» смыслов лингвострофилософской традиции имяславия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Юнусалиев Б. М. Развитие корневых слов в киргизском языке: Дисс. ... докт. филол. наук. — М., 1953.
- ² Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. — Харьков, 1888. — Т. 1. — С. 12, 15, 21.
- ³ Юнусалиев Б. М. Указ. соч. — С. 57—58.
- ⁴ Макаев Э. А. Структура слова в индоевропейском и германских языках. — М., 1970. — С. 11.
- ⁵ Юнусалиев Б. М. Указ. соч. — С. 38—84.
- ⁶ Там же. С. 57.
- ⁷ Кажибеков Е. З. Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюркских языках (явление синкремизма). — Алма-Ата, 1986.
- ⁸ Пауль Г. Принципы истории языка. — М., 1960. — С. 410.
- ⁹ Там же. — С. 213, 410, 414.
- ¹⁰ Там же. — С. 223—224.
- ¹¹ Блумфилд Л. Язык. — М., 1968. — С. 261.
- ¹² Там же.
- ¹³ См., например: Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии. — М., 1964. — С. 119.
- ¹⁴ Для иллюстрации назовем следующие исследования: Greenberg G. A quantitative typology of languages // International Journal of American Linguistics. — N. Y., 1960. — Vol. 26. — 3. — P. 178—194; Ellegard Al. English, Latin and Morphemic Analysis. — Oxford, 1978; Bybee J. L. Morphology: A study of the relation between meaning and form. — Amsterdam-Philadelphia, 1985.
- ¹⁵ Макаев Э. А. Указ. соч. — С. 12.
- ¹⁶ См., например, работы: Гринберг А. Л., Стеблин-Каменский И. М. Бесписьменные индоевропейские языки в сравнительно-исторических исследованиях // Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки. — М., 1973. — С. 25—28; Иоффе В. В. Деноминативные этапы в развитии грамматического строя индоевропейского праязыка // Известия Северо-Кавказского научного Центра высшей школы. Общественные науки. — Ростов-на-Дону, 1974. — № 1. — С. 68—73; Клычков Г. С. Консонантизм и структура слова (развитие системы шумных в индоевропейских языках): Автoref. дисс. ... докт. филол. наук. — М., 1967.
- ¹⁷ Андреевская А. В. Исследование параметров корневых слов русского языка XI—XX вв.: Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 1990. — С. 12.
- ¹⁸ Булгаков С. Н. Философия имени. — СПб.: «Наука», 1998. — С. 18.
- ¹⁹ Там же. — С. 70.
- ²⁰ Там же. — С. 22.
- ²¹ Там же. — С. 23.
- ²² Там же. — С. 22—23.
- ²³ Там же. — С. 70—71.
- ²⁴ Там же. — С. 95.
- ²⁵ Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — С. 230.
- ²⁶ Там же. С. — 219—220.
- ²⁷ Булгаков С. Н. Указ. соч. — С. 40.
- ²⁸ Там же. — С. 42—43.
- ²⁹ Там же. — С. 63.
- ³⁰ Там же. — С. 41.
- ³¹ Там же. — С. 40.
- ³² Там же. — С. 46.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. — С. 47—48.
- ³⁷ Там же. — С. 49.
- ³⁸ Там же. — С. 50.
- ³⁹ Там же. — С. 50—51.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

---

⁴⁰ Там же. - С. 51-54.

⁴¹ Там же. - С. 51-55.

⁴² Там же. — С. 61.

⁴³ Там же. - С. 63.

⁴⁴ Тимирханов В. Р. Имяславие и лингвистика корня. — М.: МАКС Пресс, 2007.

⁴⁵ Лосев А. Ф. Философия имени. - М., 1990. - С. 38.

⁴⁶ Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. — М.: Издательство Моск. ун-та, 1982. — С. 467.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. - С. 468.

⁵⁰ Булгаков С. Н. Указ. соч. - С. 40-41.